

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2303-9493

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
Северо-Западного института управления
РАНХиГС**

**Том 9
Выпуск 5(37)**

Периодическое научное издание
Выходит пять раз в год

Санкт-Петербург
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1

Материалы круглого стола ФМО «РОССИЯ И СТРАНЫ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРОЦЕССАХ»

Дата проведения: 27 апреля 2018 г.

<i>Баранов Н. А.</i> Политика Балтийских стран в условиях «постправды»	6
<i>Ермина Н. В.</i> Страны Прибалтики в интеграционном процессе в контексте отношений ЕС — Россия	16
<i>Ланко Д. А.</i> Северное измерение как четырехсторонняя политика России, Евросоюза, Норвегии и Исландии.	25
<i>Матвеевская А. С.</i> Санкт-Петербург — центр делового туризма в Балтийском регионе ..	36
<i>Школярская Т. И.</i> Совет государств Балтийского моря как центр диалога в регионе	46
<i>Шумилов М. М., Попова К. А.</i> «Северный поток — 2» и проблемы его продвижения в современных условиях.	54

Раздел 2

Пленарные доклады конференции ФТиМУ «СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ»

Дата проведения: 24 октября 2018 г.

<i>Вульфович Р. М.</i> Развитие метрополий Европы в XXI в. (на примере Франции)	70
<i>Рой О. М.</i> Город в Сибири: проклятие или развитие	78
<i>Федоренко А. А.</i> Резидентный брендинг как новое направление маркетинга территорий.	84
<i>Эберль К.</i> Анализ современного регионального и территориального развития в регионе Нижняя Бавария (пер. с нем.)	91

Раздел 3

Статьи преподавателей ФСТ, работающих на образовательном направлении «УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ, ПСИХОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА»

<i>Введение</i>	96
<i>Гриненко Т. Г.</i> Управление кадровыми рисками как инструмент формирования кадровой безопасности организации	97
<i>Иванова В. И.</i> Кадровый потенциал как фактор инновационного развития и эффективности государственного управления	111

<i>Кашина М. А., Демченко А. В., Шалаева А. А.</i> Легализация проституции в России: социальные и правовые аспекты	118
<i>Орлова И. С.</i> Технологии зоотерапии в практике социальной работы	131
<i>Юрьева Н. Н.</i> Формирование этнического сознания и самосознания студентов в процессе изучения курса этнопсихологии	138

Раздел 4

Статьи участников III Международного научного форума

**«ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ:
ТЕХНОЛОГИИ ПРОРЫВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ»**

Дата проведения: 31 мая — 1 июня 2018 г., Санкт-Петербург

<i>Киселева Е. В., Барабанов А. С., Приятелева Л. Г.</i> Опыт применения комплексной оценки профессионально-личностных качеств кандидатов в резерв управленческих кадров Вологодской области	148
<i>Смирнов П. А., Приятелев В. В.</i> Точки роста в работе с кадровым резервом на государственной гражданской службе (на примере реализации проекта «Команда губернатора: команда профессионалов»)	159

Раздел 5

Материалы научной конференции

**«КАПИТАЛИЗМ В РОССИИ, ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ В XIX–XXI ВЕКАХ
И ЕГО КРИТИКА
(ОТ ПРОТЕСТА К СОПРОТИВЛЕНИЮ)»**

К столетию Великой Русской революции
в рамках Третьего международного общественно-научного конгресса
«Горчаковские чтения»

Дата проведения: 6–7 декабря 2017 г.

<i>Бычков М. А.</i> Левые политические движения в истории Ирландии XIX–XX вв.	170
<i>Возгрин В. Е.</i> Датский торгово-индустриальный капитализм — особенности становления	177
<i>Лушин А. И.</i> К вопросу функционирования уголовно-исполнительной системы СССР во второй половине 1950 — 1960-х гг.	186
<i>Таирова Н. М.</i> Русская революция: Временное правительство и революционное творчество интеллигенции в Петрограде (март—июнь 1917 г.)	196
<i>Храпов Г. Н.</i> Октябрьская революция 1917 г. в оценках западных исследователей и ученых	217
<i>Аннотированный список статей</i>	224
<i>Информация об авторах</i>	244

Таирова Н. М.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И РЕВОЛЮЦИОННОЕ ТВОРЧЕСТВО ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ (МАРТ–ИЮНЬ 1917 Г.)

Начало XX в. для России складывалось исключительно из драматических событий. После длительного мирного затишья в годы правления Александра III и первого мирного десятилетнего царствования его сына Николая II Россия из-за провала политики на Дальнем Востоке вступает в войну с Японией (1904–1905). В свою очередь, русско-японская война спровоцировала Первую русскую революцию 1905–1907 гг. и изменение государственного устройства: царизм развернулся к европейским либеральным ценностям, и 17 октября 1905 г. Россия, по выражению П. Н. Милокова, получила «псевдоконституцию». Однако ее несовершенство не стало препятствием в решении важного вопроса — каким должен быть государственный строй? — и в результате полумер, на которые был согласен Николай II, ход исторического развития общества в России, принял демократический характер благодаря учреждению Государственной Думы (далее — ГД) как органа народного представительства. Но обида за поражение в войне с Японией в 1905 г. не утихала в обществе. Сложная ситуация в Европе вынудила Россию сначала втянуться в ее дипломатические конфликты, а затем, в союзе с Великобританией и Францией, и в Первую мировую войну против Германии, Австро-Венгрии и Италии. Первая мировая война была встречена с энтузиазмом, народ ожидал победы.

С начала XX в. царская Россия стремительно втягивалась не только в международные конфликты, но безудержно приближалась к своему краху. На протяжении трех лет утомленный не только ожиданием победы, но и оторванный от мирной жизни народ постепенно пробуждался. В общественных кругах гуляли различного рода списки Временного правительства (далее — ВП), царскому правительству не доверяли, главнокомандующий Русской армии в лице императора терял авторитет не только в народе, но и среди военных. Революция грянула неожиданно 28 февраля 1917 г. Это была Февральская буржуазно-демократическая революция. Царь отрекся от престола, 300-летнее царствование династии Романовых трагично прервалось. Власть перешла к ВП — 3 марта новое правительство получило всенародное рождение [1, с. 193]. Вместе с ее рождением в России исчезли и политические ограничения: еще 2 марта «полномочный

представитель демократии» А. Ф. Керенский в Екатерининском зале Таврического дворца с пафосом объявил собравшейся толпе, что первым актом ВП будет «Акт о полной амнистии» всех политических заключенных и, в первую очередь, депутатов 2-й и 4-й ГД, незаконно сосланных в Сибирь. От имени Керенского были посланы специальные телеграммы в Минусинск — Е. К. Брешко-Брешковской и в Якутск — освобожденным членам социал-демократической фракции ГД [2, с. 89–90]. Акт о политической амнистии был принят ВП 6 марта 1917 г., «во имя исторической справедливости» от наказания освобождались лица, совершившие политические, религиозные, террористические, военные или аграрные преступления (исключая измену).

Пункт о политической амнистии не случайно был выдвинут на первый план. Прежде, в 1905 г. и в 1913 г. царская Россия объявляла политические амнистии, но с 1915 г. этот вопрос вновь находился в центре внимания общественности, в исключительном порядке поднят был Прогрессивным блоком 4-й ГД в защиту незаконно высланных депутатов в Сибирь. Революционный процесс изменил значимость и характер политических амнистий. Политическая амнистия 1917 г. ВП являлась всеобъемлющей акцией и носила как международный, так и всенародный характер. Ее правовые нормы действовали на территории 10 стран: Англии, Франции, Швейцарии, Италии, Голландии, Швеции, Финляндии, Канады, США и Германии. Амнистия выявила и внутренние резервы российского общества: активизировалась деятельность общественных и политических организаций, проявилось публичное участие представителей государственной и советской власти, возродилась благотворительность по оказанию материальной и денежной помощи, создавались фонды, организации для ссыльных (напр., «Общество помощи политическим ссыльным», «Дом-музей памяти борцов за свободу»), а главное — общественные силы мобилизовали свою творческую деятельность на организацию встреч политических амнистированных. В Петроград возвращалась огромная часть русского общества, попавшая еще при царском режиме за свои политические убеждения в категорию «заключенных», «ссыльных» или «эмигрантов». Творческий подъем горожан Петрограда компенсировал те неудачи, которые происходили на фронте. Встречи политических ссыльных и эмигрантов стали символом революционной столицы. Петроград был единственной столицей в Европе, где в едином мирном порыве объединялись все слои горожан: интеллигенция, мещане рабочие, солдаты и власть

Политическая амнистия требовала от министров ВП определенных усилий и творческого осмысления реальной действительности. Главными

исполнителями в организации освобождения всех категорий политических амнистированных являлись МВД (кн. Г. Е. Львов), МИД (П. Н. Милюков) и Минюст (А. Ф. Керенский). Министерства ВП 8 марта утвердили проект о бесплатном проезде с места пребывания до выбранного места проживания всех осужденных царским режимом по политическим статьям, при условии предъявления удостоверения от местных судебных или административных (эмиграционных) властей и организаций.

Между тем оказалось, что ни общественность страны, ни министры ВП не могли предвидеть всю масштабность мероприятий и серьезность финансового положения страны, что проведение такого рода мероприятия требовало огромных финансовых ресурсов, и, прежде чем объявлять об амнистии, следовало определить финансовые источники. Бюджет страны не выдерживал военных расходов, ведя изнурительную войну с Германией и ее сателлитами, а царское правительство, в свою очередь, не утверждало статью, предусматривающую политическую амнистию на 1917 г.

По существу, ВП заведомо обрекало себя на хроническое невыполнение взятых обязательств. Все понимали, что в казне нет денег, но шли на риск, ибо знали, что это политическое решение найдет свое воплощение в патриотическом настроении российского общества. И действительно, решение ВП нашло свою поддержку у общества, выявились два надежных источника: средства финансово-промышленной буржуазии и пожертвования непосредственно от населения.

Одним из первых, кто поддержал ВП, было правление Русско-Азиатского банка. Совет Съездов представителей акционерных коммерческих банков поручил 4 марта А. И. Путилову внести на имя министра юстиции Керенского сумму в размере 500 тыс. руб. Совет Съездов представителей промышленности и торговли обратился к гражданам и владельцам торгово-промышленных предприятий с призывом о незамедлительном денежном пожертвовании в фонд Общества помощи политическим ссыльным и заключенным (пред. В. Н. Фигнер, при участии О. Л. Керенской). Обращение подписали председатель Совета Н. Н. Кутлер и управляющий делами барон Г. Х. Майдель.

Началась кропотливая работа по освобождению политических заключенных и ссыльных в стране. В Петрограде весьма сочувственно относились к тем, кого называли «борцами за свободу», а в правительстве все дела зависели от позиции министра юстиции Керенского — его приказы были разосланы всем прокурорским палатам и окружным судам о незамедлительном освобождении заключенных. В телеграфном приказе звучало следующее указание: «Предлагаю произвести освобождение лично,

передав каждому освобожденному приветствие от моего имени». Керенский ставил под ним подпись как министр юстиции ВП, и как член ГД.

Однако, отдавая приказы, Керенский не подозревал, что могут существовать сложности информационного и судебного характера. Основная проблема состояла в том, что до провинции официальные вести доходили с большим опозданием и никто не мог понять, откуда появилось какое-то ВП и можно ли исполнять его указания. Телеграфные приказы Керенского опережали известия о революционном перевороте и отречении от престола царя. С другой стороны, получив «Акт о политической амнистии», многие губернские администрации не могли расшифровать многочисленные статьи и определить категории арестантов, подлежащих освобождению [1, с. 198–199]. В связи с этим освобождение многих арестантов задерживалось, а те, кто был освобожден, — не могли получить денежные средства для проезда.

Местные администрации не имели таких средств, чтобы предоставить их для переезда огромного количества политических ссыльных и заключенных. К тому же царское правительство не имело статистических данных о числе заключенных и ссыльных, поэтому ВП сложно было распределять денежные средства по местам их пребывания. И хотя с 1900 г. по «Величайшему повелению об отмене ссылки» (Указ Николая II от 12 июня) Сибирь де-юре не являлась каторгой, де-факто она продолжала нести свою печальную участь каторги до 1917 г. [3, с. 153–154]. По сведению председателя Иркутского совета И. Г. Церетели (втородумец), из посланной им телеграммы от 11 марта на имя министра-президента кн. Львова (копия министрам — М. И. Терещенко и Керенскому) стало известно, что только в Иркутской губернии находятся 5 тыс. амнистированных каторжан и ссыльных. Церетели требовал для удовлетворения их потребностей и эвакуации из мест заключения выделить как минимум 1,5 млн руб. и экстренно открыть предварительный кредит на счет Иркутского комитета в сумме 300 тыс. руб. Неделей раньше пришла телеграмма из Балаганска (5 марта), где сообщалось, что в уезде 245 административно высланных по военному положению, нуждающихся в пособиях для выезда в размере 100 руб. на человека и с правом проезда по железной дороге. Кроме этого, были выдвинуты требования о выдаче пособий за февраль месяц, не выплаченных им прежним правительством (сумма последних составила 3600 руб.). В понятие «пособие» входили четыре пункта, посредством которых государство обязывалось предоставить некоторую денежную сумму амнистированному при передвижении от места заключения до его конечного пункта: 1) оплата подводы до ближайшей ж/д

станции; 2) предоставление ж/д билета 2-го класса; 3) суточное довольствие по 3 руб. на лицо; и, наконец, 4) единовременное денежное пособие на приобретение одежды (в исключительных случаях — в размере по усмотрению комиссара ВП).

Тем временем зам. министра внутренних дел ВП кн. Урусов 17 марта составил служебную записку, где указывал, что все ходатайства «подлежат внеочередному удовлетворению» и требуют выдачи пособия в «единообразной норме» всем амнистированным, в том числе и членам их семей. Только по телеграмме Церетели необходимо было выделить не менее 2 млн руб. В этой связи кн. Урусов предложил отнести все расходы «в порядке ст. 18 Бюджетных правил на суммы военного фонда с передачей ассигнования в распоряжение МВД для дальнейшего распределения между надлежащими комиссарами ВП», затребовав от военного фонда аванса в 1 млн руб. в целях обеспечения ссыльных и членов их семей пособиями для проезда домой.

Несмотря на информационные и материальные сложности, процесс освобождения политических ссыльных и заключенных все-таки начался во всех уголках страны. Еще не был опубликован «Акт о политической амнистии», а с 4 марта, т. е. на третий день существования ВП, стали поступать на его имя телеграммы с сообщениями об освобождении заключенных. Их благодарность была адресована в адрес нового правительства и Госдумы. Так, в этот день были посланы телеграммы из Владимира об освобождении из тюрем, из Минусинска — о свободе Брешко-Брешковской и отправке ее домой, из Ярославля и Вольска — с приветствиями и пожеланиями стоять твердо на пути спасения и обновления родины, на который вступили ВП и ГД; 5 марта пришло известие от политических ссыльных из с. Балаганска о своем освобождении; из Ачинска — от депутата IV ГД фракции большевиков М. К. Муранова с приветствием и просьбой предоставить ему возможность материально обеспечить выезд ссыльных, о скором собственном выезде; из Пензы — семеро политзаключенных прислали благодарственные слова и приветствия; из Полтавы рапортовали, что освобождение политзаключенных происходило планомерно, но 4 марта в тюрьму г. Кременчуга ворвалась толпа и самолично освободила всех заключенных; из Иркутска сообщали, что освобождены 85 политзаключенных, просили выслать деньги для проезда 52 освобожденных; Александровский централ освободил 275 чел. и т. д.

Пожалуй, в России не было социального класса или слоя, которого бы не затрагивала политическая амнистия. В категорию ссыльных были отнесены те узники, над которыми вершился суд личным судом Николая

II или императрицы Александры Федоровны. Этой «чести» были удостоены члены Дома Романовых и представители дворянской аристократии, дерзнувшие восстать против политики царствующей супружеской четы. Благодаря заботе министра юстиции Керенского было незамедлительно отдано распоряжение об их освобождении и беспрепятственном приезде в Петроград. Но, как только свершилась Февральская революция, 1 марта в Петроград вернулся опальный вел. кн. Николай Михайлович (автор исторических трудов об эпохе Александра I). Его вина состояла в том, что 1 ноября 1916 г. в беседе с Николаем II он осмелился прочитать «письмо-протест», направленное против пагубного влияния Г. Распутина на государственные дела. Несколько позже «Петроградская газета» оповестила, что в столицу 15 марта возвращается кн. С. Н. Васильчикова, жена члена Гос. Совета шталмейстера кн. Б. А. Васильчикова. Поводом для ее опалы послужило «письмо-протест», адресованное императрице Александре Федоровне в начале декабря 1916 г., в котором в резкой форме было выражено мнение о недопустимости влияния царицы на государственную политику. Этот поступок не получил общественного резонанса: лишь члены Госсовета и ГД на тот момент выразили свое сочувствие по поводу указа о ссылке мятежной княгини.

Прекращалось дело и по преднамеренному убийству 16 декабря 1916 г. «друга» императорской семьи — Г. Распутина. Это убийство вызвало большой общественный резонанс, у его организаторов нашлись активные защитники. В Петрограде прошли собрания, на которых рабочие заводов вынесли резолюции в защиту вел. кн. Дмитрия Павловича и кн. Ф. Ф. Юсупова. Началось брожение и в армии: офицеры разных полков заявляли, что их части встанут на защиту участников убийства. Со своей стороны, дворянские круги также поддержали участников «распутинского дела», в Москве, через три дня после «исчезновения» Распутина, была открыта подписка на создание фонда стипендии имени кн. Юсупова [4, с. 204–206]. Политическая реабилитация позволяла вернуться на родину из Хамадана (Персия), где опальный вел. кн. Дмитрий Павлович находился в действующем отряде Баратова, а также возвратиться кн. Ф. Ф. Юсупову, находившемуся под арестом в собственном имении (Ракитное, Курская губерния). Что касается В. М. Пуришкевича (третий заговорщик из пяти), отправленного на фронт за участие в убийстве, уже в первых числах марта 1917 г. видели, как он деятельно занимался агитацией среди воинских частей за доверие ВП [5, с. 97].

Пользуясь атмосферой свободы, Совет Петроградского университета поднял вопрос о возвращении своих коллег, уволенных за политические

убеждения. В соответствии с решением Совета профессоров, было объявлено о восстановлении не только профессоров (Д. Д. Гримм, М. Я. Пергамент, И. А. Покровский и И. А. Бодуэн де Куртенэ) в их должностях, но и всех студенческих организаций, запрещенных на время войны указом царского правительства.

Внутренние освободительные меры по освобождению политзаключенных и ссыльных подкреплялись решениями ВП материально. Так, на заседании (№ 22) 17 марта экстренно рассматривалась служебная записка МВД о разрешении выдачи пособий для проезда по смете (ст. 3, п. 5), предназначенная для содержания поднадзорных. Реально пособия начали выдавать с 16 марта.

Мартовские встречи заключенных и ссыльных в Петрограде стали знаменательными событиями. Одним из первых встретили депутата 2-й ГД от Курской губернии Щигровского уезда революционера И. Е. Пьяных (1863 – 1929), освобожденного еще 28 февраля из Шлиссельбургской крепости. Личность Пьяных широко была известна среди солдат и рабочих по шумевшему в свое время делу о «Щигровской республике». Интерес к Пьяным и его сыну был настолько огромен, что после его речи при освобождении из крепости освобождающие его солдаты, устроили аукцион газеты, которую он читал в момент выхода из тюрьмы. Во время его выступления 10 марта в Екатерининском зале Таврического дворца встречающие его солдаты опустили перед ним на колени.

Когда участники амнистии сообщали о дате своего прибытия, Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов совместно с ВП и общественностью организовывались встречи «борцов за свободу». Изменялся лишь состав членов власти и публики в зависимости от политической значимости прибывающих из ссылки и заграницы. 12 марта из Восточной Сибири неожиданно прибыла первая группа ссыльных — большевики М. К. Муранов (депутат 4-й ГД), Л. Б. Каменев (Розенфельд), И. В. Сталин (Джугашвили) [1, с. 271–273; 7, с. 224, 131–132, 304], которые по приезду в этот же день включились в активную партийную деятельность.

К приезду следующей группы революционеров — «борцов за свободу» общественность города готовилась заранее. С иркутским поездом 19 марта прибыли депутат 2-й ГД И. Г. Церетели (предс. с.-д. фракции, меньшевик), А. Р. Гоц (член Боевой организации ПСР), а также В. И. Анисимов, П. А. Аникин, В. М. Баташов, Д. К. Белановский, А. К. Виноградов, И. А. Лопаткин, И. И. Нагих, Г. Ф. Махарадзе, Г. Г. Федоров. Встреча была организована Советом РСД при участии Комиссариата Петроградской стороны и общественности города, в состав которой вошли

студенты высших учебных заведений и рабочие. Вслед за ними 20 марта прибыл из Иркутской губернии известный член РСДРП — большевик В. С. Войтинский, 22 марта — приехали депутаты 4-й ГД большевики — рабочие А. Е. Бадаев и Н. Р. Шагов. В Таврическом дворце им был устроен теплый прием.

С особым интересом в столице ожидали приезда «бабушки русской революции» — Е. К. Брешко-Брешковской (1844–1934), намеченный на 10 марта, однако она прибыла лишь 29 марта.

При встрече на Николаевском вокзале министр юстиции Керенский вручил Брешковской букет красных роз. В парадной комнате ее приветствовали члены Совета РСД, студенты, сестры милосердия. Затем в машине Керенского с почетным конвоем из Керенского, Некрасова и Чхеидзе ее повезли в Совет, где в Белом зале «бабушку русской революции» делегаты Съезда Совета солдатских депутатов приветствовали стоя и вручили ей букеты роз и сирени. С приветственной речью от лица молодой демократии выступили А. Ф. Керенский (масон, деп. 4-й ГД, мин. ВП), Н. С. Чхеидзе (деп. 4-й ГД, чл. исп. ком-та Совета, с.-д. меньшевик), М. И. Скобелев (чл. исп. ком-та Совета, с.-д. меньшевик), а также польские социал-демократы и группа воронежских эсеров, представители с Кубани, Донца и Балтийского флота [1, с. 328].

В этот же день (29 марта) из Туруханской ссылки незаметно для публики прибыл Я. М. Свердлов (большевик) и тут же принял участие в работе Всероссийского совещания Советов РСД, передав ему от Красноярского совета резолюцию, разоблачавшую империалистический характер войны [7, с. 286]. В конце марта без предупреждения возвратился и Ф. И. Дан (Гурвич), один из руководителей меньшевистской фракции 4-й ГД. Его арестовали в начале войны и сослали в Сибирь, но в мае 1916 г. был мобилизован и служил в Якутске в качестве врача. По оценке Н. Н. Суханова, это была одна из наиболее крупных фигур русской революции, как и все прибывшие из ссылки, Дан включился в работу Всероссийского совещания Совета РСД (29 марта — 3 апреля) [1, с. 328–329; 9, с. 52].

Бесспорно, первые революционеры, возвратившиеся из Сибири, являлись не только дееспособной частью ссыльных, но и передовой группой партийных организаций, стремившихся в условиях политической свободы утвердить свое положение как внутри своих партий, так и в политическом движении Петрограда. Политическим центром в эти дни стал Таврический дворец, где каждый политически амнистированный по приезду так или иначе отмечался — либо в ГД, либо в Совете РСД, и после акта засвиде-

тельствования своей личности немедленно включался в политическую деятельность своей партии.

В отличие от организованных мероприятий по встречам, устройству и материальному обеспечению бывших ссыльных и заключенных, процесс возвращения политэмигрантов на родину проходил в напряженной и даже трагической обстановке. Акт о политической амнистии открывал путь для возвращения на родину всем российским гражданам, безотносительно, к какой партии они принадлежали (социал-демократы или эсеры, анархисты или бундовцы и т. д.), а главное, никто не спрашивал о применении тех средств борьбы, которые использовались в борьбе с самодержавием для достижения своих целей.

После падения царизма МИД ВП незамедлительно разослало телеграммы правительствам союзных и нейтральных стран с просьбой о помощи всем русским политэмигрантам в беспрепятственном их возвращении на родину. Между тем ситуация осложнялась, поскольку между царским правительством и союзными державами было заключено соглашение о запрете во время войны возвращения в Россию неблагонадежных политэмигрантов. В этой связи российская сторона представила так называемые «международные контрольные списки», в которые внесла имена тех эмигрантов, чье присутствие в России признавалось нежелательным не только царским правительством, но и союзными воюющими державами одновременно.

Соответствующие заявления и разъяснения от МИДа ВП получили и русские консульства в союзных державах, однако некоторые из них, используя «технические» проволочки, не выдавали эмигрантам свидетельства на проезд, а некоторые из них продолжали работать в старом режиме и не желали соотносить падение монархии с реальным появлением нового ВП. Журналист Петр Рысс (1870–1948), столкнувшись с таким положением дел, настоятельно просил Милюкова как министра иностранных дел объяснить консульствам, что в России уже новый строй и выезд эмигрантов на родину является их законным желанием. К тому же со своей стороны чинили препятствия и местные власти, на территории которых проживали русские эмигранты, чаще всего в такую категорию попадали социалисты, чьи пораженческие взгляды не совпадали с общим курсом западноевропейских союзных стран, направленным на продолжение войны и окончательную победу над Германией [1, с. 306].

Не имея возможности воспользоваться своими правами, провозглашенными «Указом о политической амнистии» и дополнительными инструкциями Милюкова, политэмигранты самостоятельно начали поиск

альтернативных путей для возвращения на родину. Это был скорее политический вызов ВП, чем политический компромисс, поскольку «недопущенцы-социалисты» предполагали, что ВП, как и царское правительство, имело тайные дипломатические циркуляры с именами тех, кого не хотели принимать в России. Что могло двигать всеми теми, кто стремился вернуться домой? Можно предположить, что все они были очарованы революционным переустройством на родине и открывающимися в ней творческими перспективами. Именно революция как основной фактор в единой цепочке их мироощущения — революция, свобода, равенство — являлась мощным двигателем для возвращения в Россию. И главное, в чем не было сомнения — они ехали защищать и бороться за дело укрепления революционных идеалов (немногие окажутся в этой борьбе победителями, но многие вновь изберут путь эмиграции и навсегда покинут Россию).

С начала марта 1917 г. в западноевропейских странах начался мировой русский эксперимент по возвращению эмигрантов в Россию. В него были подключены все союзные и нейтральные страны, в том числе к ним присоединилась и воюющая с Россией — Германия, оказавшись в эпицентре решений тех проблем, которые она же в результате войны и создала. Вместе с тем, опасаясь каких-либо политических эксцессов, Англия и другие страны все-таки использовали старые царские «контрольные списки», сверяя по ним, чьи имена из эмигрантов числились в них «неблагонадежными» для России. Но были и такие страны, правительства которых пытались как можно быстрее отправить русскую часть населения на родину, поскольку представляли этнически-культурные группы с высоким уровнем политической активности, что вызывало опасения у местных властей. И, наконец, последнее, союзники России предполагали, что процесс возвращения политэмигрантов сможет повлиять на исторический ход войны — вызвать в России национально-патриотическое движение и поднять армию на завершение войны и окончательную победу над Германией.

В то же время Германия преследовала свои собственные интересы. С 1915 г. она стремилась склонить Россию к сепаратному миру, шанс появился лишь тогда, когда в 1917 г. пала монархия и в России установилась новая власть в лице ВП. В связи с возвращением на родину большой группы «пораженческой» фракции с.-д. партии у Германии появились своего рода «союзники», стремившиеся ускорить конец войны и заключить сепаратный мир. То есть у Германии появился шанс на реализацию своих планов раньше, чем у коалиции, действующей против нее [10, с. 281–283].

Позиция Германии еще более укрепилась, когда с.-д. большевики через определенных лиц обратились к ней за помощью в содействии по возвращению на родину через немецкую территорию. Бесспорно, этому факту способствовало положение в Англии, которая противодействовала отправке эмигрантов в Россию водным путем, возвращая их на континент, в Европу, где полыхала война. Действия Англии заметно подрывали политику ВП и вызывали априори недоверие и желание бороться во имя справедливости. Дипломатическая игра Англии с «контрольными списками» по неблагонадежным эмигрантам, агитировавшим за выход России из войны, позволила Германии незамедлительно откликнуться на просьбу большевиков, предоставив им финансирование на проезд и беспрепятственное продвижение по собственной территории (по опубликованному списку В. Л. Бурцева через территорию Германии проехало 159 чел.). При этом Германия не нарушала никакие международные соглашения, в лучшем случае она выполняла функции союзных держав и помогала России в реализации ее демократических реформ.

Итак, каждая из сторон этого процесса определила для себя стратегические интересы: союзные страны — наступление и победу над Германией; немцы — желаемый сепаратный мир; русские политэмигранты — достигнуть территории России любыми путями и легально во имя революционных идей подключиться к политической и профессиональной деятельности. Совершенно очевидно, что во внутренние государственные дела России были вовлечены как союзники, так и противники — все стремились содействовать ей, но лишь в рамках собственных интересов; такого политического прецедента не знала ни одна страна мира.

Тактические задачи по возвращению на родину в основном легли на плечи самих репатриантов. В марте 1917 г. в Париже был создан Совет представителей политических организаций, к нему присоединились 22 группы политэмигрантов, а также и небольшие провинциальные комитеты городов — Бордо, Гренобля, Лиона, Марселя, Монпелье, Ниццы и Тулузы; 13 апреля на заседании Исполнительного комитета создали рабочий орган — Бюро. В его состав вошли В. В. Лункевич (пред.), М. Н. Покровский (тов. пред.), С. В. Левицкий-Познер (казначей), М. М. Левинский и М. Л. Павлович-Вельтман (секретари). Уполномоченный делегат от ВП Е. И. Рапп признал ИК Совета официальным органом Совета представителей политических организаций за рубежом. Совет организационно и материально оказывал помощь всем желающим, кто хотел вернуться на родину в установленном порядке. В этих целях Совет разослал опросные анкеты во все эмигрантские центры Франции, Италии и Швейцарии,

чтобы от репатриантов получить необходимые биографические данные: 1) возраст, профессия, семейное положение, 2) желаемый пункт переселения в России — город, губерния, 3) партийная принадлежность в России и в эмиграции, 4) при каких обстоятельствах была покинута Россия и 5) Ф. И. О. лица, подтверждающего, что он является политэмигрантом. Интересно, что анкетная комиссия состояла из членов ИК Совета, которая после рассмотрения анкет направляла репатриантов в Англию для дальнейшего следования в Россию (этим маршрутом эмигранты пользовались до 22 июля, после чего отправка через Англию была запрещена распоряжением посла Набокова ввиду скопления большого количества людей в Лондоне.

Между тем необычайно сложная обстановка складывалась и на пограничных пунктах Швеции и Финляндии. В течение первых месяцев наплыв эмигрантов был настолько велик, что пропускные пункты перестали справляться со своими задачами. Так, 19 мая на имя мин. Милюкова была получена телеграмма от зав. пропускным пунктом в Торнео лейтенанта Бельского-Белозерского, который сообщал, что на станцию прибыло 609 чел., условий для размещения нет, отправил 400 чел. не только курьерским поездом, но и в теплушках и товарных вагонах. Оставшихся он намеревался отправлять 20 мая почтовым и курьерским поездом. Многие оставались на улице, отсутствовала служба по обеспечению продуктами питания. Среди эмигрантов стало возникать недовольство, а на подходе ожидался приезд еще большей партии людей, поэтому лейтенант просил министра о недопущении в Торнео партий эмигрантов ежедневно более 100 чел.

Итак, соблюдая международные правила, из Швеции политэмигрантов отправляли курьерскими поездами, а в каждый вагон назначалась охрана по два солдата для сопровождения в Россию. При этом в каждом вагоне имелись списки, по которым комиссары в Петрограде проверяли эмигрантов по прибытии на Финляндский вокзал на предмет — является ли действительно прибывшее лицо политэмигрантом. Как видно, «контрольные списки» в жизни эмигрантов играли огромную роль с той лишь разницей, что если при царском правительстве они являлись документом для запрета въезда в Россию, то при ВП, наоборот, они являлись въездной картой на родину.

Однако срочные меры не были приняты, и ситуация в местах отправки репатриантов ухудшалась, началась напряженная переписка между заведующими пограничными пунктами и ВП, и как отклик на тревожные телеграммы из Швеции были направлены секретные телеграммы от име-

ни ВП (за подписью Доливо-Добровольского) правовым департаментам Милана, Стокгольма, Христиании и Копенгагена с просьбой отправлять по железной дороге только по 100 чел. Несмотря на то что люди попадали в безвыходные ситуации (в течении нескольких дней находились под открытым небом, без пропитания и гигиенических условий), они терпеливо ждали своей отправки на родину. По сведениям заведующего пограничным пунктом подпоручика Борисова 5 или 6 июня ожидался приезд 800 чел.

Безусловно, в Петрограде встречи политэмигрантов становились триумфом и победой тех героев, которые добрались до Петрограда. Уже 5 марта в МИД поступили сообщения от консульств союзных и нейтральных стран о том, что в Россию начался массовый отъезд политэмигрантов. В начале марта появились первые ласточки, первые эмигранты из ближних мест — из Скандинавских стран. Н. Н. Суханов отмечает, что они делились новостями о том, как жили в изгнании и как приняли «невероятные» вести о революции, что они не поверили «радио Милюкова». Среди приехавших был В. Н. Розанов (Энзис), один из циммервальдцев и старый с.-д. меньшевик [1, с. 254].

15 марта из Стокгольма прибыли с.-д. меньшевики Ю. Ларин (М. А. Лурье — экономист по образованию) и М. И. Урицкий. Оба сотрудничали в «Современнике» и «Летописи» М. Горького. Ларин сообщил, что на границе его задержали и он просидел полсуток в жандармской комнате, пока проверяли его документы. Не только в среде политэмигрантов, но и в Петрограде советские деятели полагали, что все задержки происходят «благодаря особой предупредительности г. Милюкова к своим подзащитным соотечественникам-эмигрантам». Неслучайно по приходу в Совет РСД Ларин произвел сенсацию, потребовав от Совета незамедлительно заключить по телеграфу мира с Германией [1, с. 270, 271].

В Петроград ежедневно поступали сообщения о прибытии эмигрантов из разных мест мира. В телеграмме, посланной на имя министра внутренних дел, представитель духоборов Н. Веригин сообщал, что десять тысяч духоборов — хороших земледельцев и садоводов, проживающих в Канаде, изъявили желание возвратиться в Россию. ВП к их приезду на родину отнеслось сочувственно, но на телеграмму не ответило. Для ВП нужны были не земледельцы и не садоводы, чтобы продолжать войну «до победного конца», между тем духоборы настаивали на освобождении их от несения военной службы. В эти дни Финляндия встречала из ссылки своего национального героя П. Э. Свинхувуда (1861–1944), который был выслан в 1914 г. в Томскую губернию лишь за то, что, будучи председа-

телем уездного суда, не признал полномочия присланного из России прокурорского чиновника. В свое время его дело получило широкую огласку в Европе.

Безусловно, ВП владело информацией и о том, что у социалистов-эмигрантов при возвращении в Россию возникают преграды со стороны союзных правительств. Вопрос решался в каждом случае по возвращению того или иного эмигранта (или группы) персонально. Так, на заседании правительства (№ 26) от 20 марта 1917 г. обсуждался вопрос о принятии мер к скорейшему возвращению в Россию депутата II ГД А. Г. Зурабова. ВП постановило передать указания российским дипломатам за границей оказать ему содействие.

Между тем в Петрограде не у всех вызывали одобрение намеченные мероприятия по организации встреч амнистированных — «борцов за свободу», некоторые считали, что не следует превращать их в грандиозные мероприятия. Даже у Н. Н. Суханова, советского деятеля (член ИК Совета РСД), существовало мнение, что встречи следует проводить, но скромнее и не слишком помпезно [1, с. 285]. Но и Керенский, и ВП в целом получили поддержку со как стороны Совета РСД, так и ГД. Под звуки французской «Марсельезы» русская революция проводила свои новые торжественные ритуалы. Главными участниками встреч политэмигрантов, заключенных и ссыльных являлись те, кто принял эту революцию — рабочие, солдаты, матросы, крестьяне и примкнувшая к ним интеллигенция.

Встречи давали возможность запоминать имена и лица тех, кого знал лишь узкий круг людей, теперь на вокзалах смешивались все: борцы за свободу, члены Совета РСД, министры ВП, депутаты ГД и любопытные граждане. Особенно грандиозными были торжественные встречи видных теоретиков и руководителей политических движений и партий, которые сформировались в европейском социал-демократическом процессе конца XIX — начала XX в.: Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, кн. П. П. Кропоткина, В. М. Чернова, Ю. О. Мартова.

В промежутках между их приездами возвращались и те, которые не имели того политического авторитета, чтобы их встречали на государственном уровне. Однако демократическая пресса старалась по возможности информировать жителей о приезде того или иного эмигранта. Так, «Петроградская газета» сообщала, что ожидается приезд перводумца-трудовика А. Ф. Аладына, жившего в Англии. Из эмиграции 18 марта возвратилась А. М. Коллонтай (1872–1952), находившаяся в эмиграции с 1908 г. и вступившая сначала в Германскую социал-демократическую партию, затем примкнула к меньшевикам, но с 1915 г. являлась членом с.-д. боль-

шевиков. В европейских кругах была известна как член Международного секретариата женщин-социалисток и соратница Ленина [11]. В конце марта (30 или 31) вернулся в Россию через Германию лидер левых эсеров Б. Д. Камков (Кац). Правая печать использовала этот факт для обвинения Камкова в «шпионаже» в пользу Германии [1, с. 333; 7, с. 136].

Как известно, между Россией и Европой существовал своеобразный круговорот революционеров: осужденные в России революционеры направлялись в ссылку в Сибирь, затем они осуществляли побег и попадали в революционную стихию Европы, где шли на выучку в европейскую партийную школу социал-демократии, а затем возвращались на родину подготовленными революционерами-профессионалами. Циркуляция революционеров между Россией и Европой способствовала возникновению различных революционных групп, замкнутых на конкретной идеологии и методах революционной борьбы с самодержавием.

Наконец, 31 мая из Швейцарии в Петроград прибыл в Петроград «отец русского марксизма» Г. В. Плеханов (1856–1918) по приглашению редакции «Современный мир», известного политического деятеля В. Л. Бурцева и «Общества 1914 г.».

В свое время Плеханов предвидел, что в России восторжествует политическая свобода как результат революционного рабочего движения. Он ошибся лишь в одном — в России произошла национальная революция, ее участниками являлись все слои общества — буржуазия и дворяне, интеллигенция и пролетариат. Торжественный прием Плеханова был организован ИК Совета РСД. На вокзале его встречала особая депутация от ИК — Чхеидзе, Скобелев, Церетели, от общественности города — Бурцев, Брешко-Брешковская, В. И. Засулич, редакция газеты «Единство» (единомышленники Плеханова), Комитет РСДРП, клуб рабочих и солдат «Объединение», делегаты 8-й армии и воинских частей с музыкальными хорами, учебных заведений и общественных организаций, представители английских и французских посольств.

Публика выстроилась шпалерами во всю длину платформы вокзала. Плеханова на руках вынесли из вагона Чхеидзе, Скобелев и Бурцев. В парадных царских комнатах Финляндского вокзала со словами приветствия к нему обратились Чхеидзе (о надежде, что с приездом «дорогого учителя» будет уничтожен раскол в обществе), Церетели, офицер от Союза республиканцев. В ответной речи Плеханова прозвучали заверения, что вместе они победят и внутреннего, и внешнего врага. Через несколько дней от имени деловой России выразила свое мнение и редакция «Торгово-промышленной газеты», которая

писала, что главная заслуга Плеханова — истинный патриотизм и борьба с «пораженческими течениями», что с его приездом произойдет объединение не только рабочих сил, но и всей страны.

По телеграмме от 3 апреля ИК Совета РСД получили информацию о приезде большой группы эмигрантов во главе с Лениным. Сложность состояла в том, что шел первый день пасхальной недели и многие газеты выходили с опозданием, затрудняя оповещение пролетарских масс. Большевики срочно организовали личный объезд, сообщая о приезде Ленина, на подготовку оставалось всего 12 ч. Весть о встрече новой группы эмигрантов была воспринята в столице неоднозначно. Дело в том, что группа большевиков и других социалистических партий («недопущенцев») была вынуждена проехать, как и эсер Камков, через территорию вражеской Германии, с той лишь разницей, что они проехали группой в «экстерриториальном вагоне», предоставленном немцами [12, с. 418–423], т. е. в вагоне, в который ни один посторонний не имел права войти, даже на границе русские революционеры не должны были общаться с немецкими властями и предоставлять им билеты или документы. Это был вынужденный проезд, Ленин торопился включиться в политические события, происходящие в России, но Англия не пропускала социалистов. Он был уверен, что Англия не пропустит ни его, ни Мартова, ни Натансона, ни их соратников. Уже был прецедент с В. Черновым, англичане отправили его назад, во Францию, хотя у него были все необходимые документы для проезда. У Ленина были основания не верить ни Милюкову, ни Керенскому, считая их агентами русской империалистической буржуазии [12, с. 418–423].

Приезд в «запломбированном» вагоне социалистов получил громкий общественный резонанс и вызвал в России разноречивые мнения: одни им сочувствовали, другие — негодовали. Слишком много слухов и отсутствие доказательств, но, так или иначе, в вину Ленину и его соратникам (с ним ехали чета Зиновьевых, И. Ф. Арманд, Н. К. Крупская, Г. Я. Сокольников (Бриллиант), от ПСР — М. Г. Цхакая и др.) [7, с. 118, 298] вменялись германофильские настроения (о прекращении войны и заключении сепаратного мира) вразрез с российско-союзническими планами вести войну до поражения Германии. Кроме того, им инкриминировали нарушение «революционной этики», что приравнялось к измене родины. Несмотря на то, что левая пресса выражала недоумение по поводу приезда Ленина, кадетская «Речь», напротив, считала его приезд законным. Показательно, в кратком резюме подчеркивалась мысль, что на политической арене борьбы должны быть деятели различных идеоло-

гических течений — как Плеханов, так и Ленин. И так, наперекор «контрольным спискам» Ленин не только приехал в Россию, но ему и его соратникам был устроен торжественный прием, такой же, как для Брешко-Брешковской и Плеханова. Ритуал встречи не менялся: возле «царских» парадных комнат были выстроены воинские части, развевались стяги, лозунги и знамена, а по обеим сторонам перрона выстраивались броневики, Московский и Преображенский полки, матросы флотского экипажа с оркестром, представители общественности и редакция газеты «Правда». Ленина встречали руководители Совета РСД — председатель Чхеидзе и член ИК Совета Стеклов. Почетный караул после краткой речи Ленина на руках перенес его в парадные комнаты, а затем Ленин выступал на площади Финляндского вокзала перед многотысячной массой встречающих, закончив свою речь словами: «Да здравствует социалистическая революция!» [14, с. 98].

5 апреля «Известия» опубликовали обличительное письмо депутата 2-й ГД Зурабова, направленное против министра Милюкова, утверждая, что их не выпускают по той причине, что их имена внесены в международные «контрольные списки», а Милюков предписал тайным циркуляром всем консульствам ориентироваться на них.

Противодействие дипломатических кругов было не единственной преградой для эмигрантов. Их путь пролегал по водной акватории, где Германия вела подводную войну. Жертвой этой войны 31 марта стали и русские эмигранты, возвращающие в Петроград на английском пароходе «Заря». Пароход был потоплен немецкой подводной лодкой на полпути между Англией и Бельгией. ВП запросило имена всех политэмигрантов, находившихся на борту парохода. В числе погибших значились имена В. П. Карповича (чл. ПСР) и И. О. Янсена (журналист с.-д. латышской партии); среди спасшихся — И. Яковлев, Олисов, Норват и 4 финляндца.

Для партии эсеров потеря видного революционера Карповича была большой утратой. Это был не просто член партии, а легендарная личность. В 1900 г. он выстрелил в одиозную фигуру — министра Боголепова, тем самым показал, что между властью и революционерами не прекращена борьба, а индивидуальный террор как метод борьбы с властью не исчез. Карпович был приговорен к бессрочной каторге: попал в Шлиссельбургскую крепость, где отбывали свой срок «старые» народовольцы, вышел на поселение в 1909 г. в Забайкальскую область, бежал из ссылки, вступил в боевую организацию партии эсеров, но предательство ее руководителя Е. Т. Азефа прервало его деятельность в России, и он уехал за границу, на время отойдя от партийной работы. Возвращаясь на родину, Карпович

намеревался встретиться с друзьями по каземату и каторге, из Лозанны он послал телеграмму Брешко-Брешковской с поздравлением об освобождении «бабушки русской революции».

Следующая группа эмигрантов прибыла 8 апреля, среди них — эсеры В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фундаминский, Б. В. Савинков (Ропшин), депутаты — Ф. М. Онопко (1-й ГД), Мокрунов, М. В. Нестеров и Толмачевский (2-й ГД), меньшевики — Л. Г. Дейч, Б. Лебедев и его брат В. Лебедев (лейтенант фр. армии), Г. Г. Аргунов, Б. Н. Моисеенко, Шредер. Сташнев и Васич [9, с. 57]. Публика, пришедшая на встречу, отличалась от встречи Ленина, где были лишь рабочие и солдаты, здесь же заметна была среди них и интеллигенция. При виде выходящих из вагона 10-тысячная толпа под звуки «Марсельезы» прокричала «Ура!». В парадных комнатах к эмигрантам обратились с приветствием: от ИК Совета Н. С. Русанов (Кудрин) и Н. Н. Суханов, от ВП на встречу приехал Керенский, но не дождался поезда, приветственное слово от своего имени поручил В. М. Зензинову. С ответной речью выступил руководитель ПСР Чернов. Встреча Керенского с Черновым и другими членами партии официально произошла 11 апреля, беседа однопартийцев носила продолжительный характер [9, с. 56–57].

Необычайно тревожная ситуация сложилась в Галифаксе (Канада), где власти произвели арест на пароходе «Христианиа-Фиорд» группы политэмигрантов, возвращающихся на родину. Среди них находились Л. Д. Троцкий с семьей, Г. И. Чудновский, Н. Ф. Мухин, Фишилев, Романченко, Г. Н. Мельничанский и др. Со стороны ИК Совета РСД были посланы 8 апреля телеграммы британскому правительству с решительным протестом в связи с их арестом, в английские газеты — для привлечения внимания общественности и с просьбой поддержать протест Совета РСД, текст протеста был предъявлен и своему правительству — министру иностранных дел Милюкову. МИД через «Известия» объяснило, что оно уже обратилось в категорической форме к правительствам Англии и Франции с указанием о недопустимости какого бы то ни было различия между эмигрантами по их политическим взглядам и содействовать всем, кто возвращается на родину. Эмигранты вскоре были освобождены со ссылкой «на желание русского правительства», а не на протест Совета РСД.

Суханов по этому поводу иронично заметил, что британские власти своими действиями слишком пересолили, «Милюков считал «дипломатичным» держать интернационалистов вдали от родины, а их засадили в тюрьму», причем никакого повода в своей нелояльности они не давали [9, с. 80].

Троцкий в Петрограде появился 4 мая, и к его приезду никто не был подготовлен, видимо, помешали два политических события: правительский кризис и открытие Первого всероссийского съезда Совета крестьянских депутатов. В результате кризиса произошла отставка Гучкова и Милюкова, и в напряженной обстановке создавался альянс социалистов по вхождению в новый состав ВП. В коалиционное правительство 5 мая были избраны: министром земледелия — бывший политэмигрант В. М. Чернов (эсер) и министром почт и телеграфа — бывший каторжанин И. Г. Церетели (меньшевик). Когда же 5 мая на Съезде появился Троцкий, то Чхеидзе по какой-то причине не приветствовал бывшего «узника» английского плена, на трибуне он появился лишь потому, что его узнали и раздались голоса: «Троцкого! Просим товарища Троцкого» [9, с. 171–172].

В Швейцарии оставалась еще большая группа социалистов во главе с Ю. О. Мартовым — инициатором идеи проезда в «экстерриториальном вагоне» по территории Германии и обмена интернированных немцев на эмигрантов. Однако он отказался ехать с Лениным и Зиновьевым, надеясь получить от английского правительства разрешение на выезд в Россию морским путем, а от ИК Совета — оказание помощи в содействии обмена русских эмигрантов на интернированных немцев. Поскольку его просьбы не привели к желаемому результату, то группа из 250 чел. воспользовалась тем же путем, что и группа Ленина — они проехали в запломбированном вагоне через Германию, их сопровождал швейцарец Р. Гримм («циммервальдец»).

Меньшевиков встречали представители Совета РСД, соц. партий и общественность. Вместе с Мартовым прибыли политические деятели: П. Б. Аксельрод, Ф. Я. Кон, Д. Б. Рязанов-Гольденбах, А. В. Луначарский (большевик), Натансон (эсер), Мартынов, супруги Балабановы, Аптекман, С. Ю. Семковский-Бронштейн, П. Л. Лапинский-Левинсон (польский социалист), И. С. Астров-Повес и Р. С. Абрамович [9, с. 57, 179, 257; 15, с. 117]. Встреча не была столь торжественной, как происходило при возвращении эсеров и большевиков. В самом лагере меньшевиков приезд Мартова не вызывал восторга, скорее, его ожидали с недоброжелательностью, поскольку он являлся интернационалистом и резко относился к правому блоку Совета РСД. Кроме того, ожидали его выступление против коалиционного правительства и выдвинутого лозунга «Полное доверие и поддержка» ВП, что делало его выступление нежелательным.

В телеграмме из Бергена от 24 мая сообщалось, что в Петроград возвращаются 72 политэмигранта из Англии, Италии, Франции, Швейцарии.

Каждый поставил свою подпись, среди них стояли две известные подписи — кн. П. А. Кропоткина и пролетарского поэта Ф. Калинина (член «Лиги пролетарской культуры»). В телеграмме сообщалось, что эмигранты совершили переезд Северного моря, что все шлют восторженный привет свободной России. Кн. Кропоткина в России помнили как видного ученого и авторитетного политического деятеля, несмотря на его вынужденное 40-летнее отсутствие на родине. 30 мая на вокзале его встречала многотысячная масса народа, почетный караул Семеновского полка, оркестр с музыкой, рабочие организации

Кн. Кропоткин вместе с другими эмигрантами прибыл в Россию 30 мая, его встречали министры ВП — Керенский (мин. военный и морской), М. И. Скобелев (мин. труда), Н. В. Некрасов (мин. путей сообщения), А. В. Пешехонов (мин. продовольствия). С приветственными словами выступили: от имени ВП — Некрасов, от ИК Совета — Н. В. Чайковский (рук. группы «чайковцев», куда входил Кропоткин), от ЦК ПНС — П. Н. Милюков и М. М. Винавер, в парадных комнатах молодой офицер бросился перед Кропоткиным на колени и приветствовал его от имени армии [7, с. 169–170].

В июне в «Петроградскую газету» пришло сообщение из Стокгольма, что в Швецию прибыла еще одна «кучка» русских эмигрантов в 35 чел., проехавших через Германию. Для петроградцев — это было сенсационное сообщение. Ленин со своей группой проложили этот путь на родину первыми, но само ВП знало причину такого поступка, лишь демократическая пресса раздула в общественном сознании так называемые «шпиономанию» и «предательство» Ленина, к этому времени уже все нападки на большевиков не имели никакого значения. Эмигранты прибывали в Россию вплоть до октября 1917 г.

Литература

1. Суханов Н. Н. Записки о революции. — В 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. — М. : Политиздат, 1991.
2. Басманов М. И., Герасименко Г. А., Гусев К. В. Керенский. — Саратов, 1996.
3. Таирова Н. М. «Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте // Управленческое консультирование. — 2016. — № 11.
4. Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. М., 1990.
5. Пуришкевич В. М. Дневник «Как я убил Распутина». — М., 1990.
6. Показания А. И. Шингарева (21 августа 1917) : стенографические отчеты допросов и показаний Чрезвычайной следственной комиссии ВП. — Т. 7. М. ; Л. : Госиздат. 1927. — Документ LXXVII (№ 77).

7. Политические деятели России. 1917 : биографический словарь. — М. : Большая российская энциклопедия, 1963.
8. *Попов И. И.* Е. К. Брешко-Брешковская. Бабушка русской революции. — П., 1917.
9. *Суханов Н. Н.* Записки о революции. — В 3 т. Т. 2. Кн. 3—4.
10. *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. — М., 1996. — Гл. 18.
11. См.: *Олесин М.* Первая в мире : биографический очерк об А. М. Коллонтай. — М., 1990; *Шейнис З. С.* Путь к вершине. Страницы жизни А. М. Коллонтай. — М., 1987.
12. *Ленин В. И.* ПСС. — Т. 49.
13. *Бьеркеген Х.* Скандинавский транзит. Российские революционеры в Скандинавии. 1906—1917. — М. : Омега, 2007.
14. *Ленин В. И.* ПСС. Т. 31.
15. *Авдеев Н.* Революция 1917 г. (хроника событий). — М., 1923. — Т. 2.